

Бестселлер *The New York Times*

Джекаби

«Джекаби» очарует поклонников
«Гарри Поттера», «Гриммов»
и «Шерлока Холмса».
Justine Magazine

У И Л Ь Я М Р И Т Т Е Р

Annotation

Новая Англия, 1892 год. Юная искательница приключений Эбигейл Рук устраивается на должность ассистентки к молодому детективу Р. Ф. Джекаби, исследователю необъяснимых явлений. Джекаби обладает необычным даром — он может видеть фантастических существ, обитающих в городе под видом обыкновенных людей и животных. Талант Эбигейл — подмечать обычные, но важные детали — делает ее идеальной помощницей паранормального детектива.

Первый рабочий день Эбигейл начинается с жуткого происшествия: в городе объявляется серийный убийца. Полиция считает его обыкновенным преступником, но Джекаби уверен, что это нечеловеческое создание. Мистическое расследование начинается!

Уильям Риттер

Джекаби

Для Джека, благодаря которому мне хочется творить невозможное, и для Кэт, которая убеждает меня, что я способен на это.

William Ritter
Jackaby

First published in the United States under the title: JACKABY.

© 2014 by William Ritter

Interior and Jacket design by jdrift design. Jacket image

© Raven Cornelissen / BirdsistersStock.

© З. Мамедьяров, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Все персонажи, начиная с обычных людей и заканчивая фантастическими существами, такие же обаятельные и живые, как и пара главных героев. Богатейшие познания Риттера в городской мифологии и фольклоре и легкое, поэтичное повествование делают «Джекаби» ярким и самобытным явлением в мире литературы.

Teenreads.com

В романе Риттера виртуозно смешиваются наука и сверхъестественное, добродушный юмор и ощущение реальной опасности.

Kirkus Reviews

Та книга, которую хочется читать в дождливый день, сидя в уютном кресле с чашкой ароматного чая... Оторваться невозможно.

Nerdist.com

Глава первая

Был конец января, когда я сошла по трапу на заметенный свежим снегом берег Новой Англии. Город Нью-Фидлем поблескивал в сгущающихся сумерках: свет фонарей плясал на обледенелых стенах домов на набережной и превращал кирпичную кладку в алмазную россыпь. В чернильно-черных водах Атлантики плясали отсветы газовых фонарей. Я пошла вперед, держа в руке один-единственный чемодан, в котором уместились все мои пожитки. После нескольких недель в море было непривычно ступать по твердой земле и видеть вокруг высокие здания. В будущем мне предстояло хорошо изучить этот город, но той холодной зимой 1892 года каждое светящееся окно и каждый темный переулок были мне незнакомы и таили в себе неведомые опасности и интригующие тайны.

Город не был старым — по сравнению с другими городами, которые я успела посетить, — но при этом дышал великолепной пышностью и гранитной уверенностью любой европейской гавани. Я бывала в горных деревушках Украины, средневековых городках Польши и Германии и поместьях родной Англии, но тем не менее меня приводил в трепет гул оживленного, пульсирующего американского порта. Даже когда свет окончательно сменился тьмой, в порту не перестали мелькать силуэты людей, спешащих закончить свои дела.

Бакалейщик щелкал затворами, закрывая свою лавку на ночь. Матросы на побывке бродили по гавани в поисках развлечений, на которые не жалко потратить честно заработанные деньги, а женщины в откровенных нарядах были рады помочь им потратить эти деньги побыстрее. В одном из прохожих я увидела собственного отца — уверенного в себе и успешного, вероятно, снова опаздывающего к ужину, потому что вечер он посвятил важной работе, а не любящей семье.

На противоположной стороне пристани молодая женщина плотнее запахнула зимнее пальто и опустила голову, когда толпа моряков проходила мимо. Может, у нее и подрагивали плечи, но громкий хохот мужчин не заставил ее свернуть с пути. В ней я узнала себя, еще одну заблудшую душу, своенравную, идущую куда угодно, только не домой.

Холодный ветер гулял по пирсу, задувая под потрепанный подол моего платья и пронизывая все швы толстого пальто. Я ухватила за свою старую твидовую кепку, чтобы ее не унесло прочь. Такие кепки были в моде у мальчишек — отец называл ее «кепкой газетчика», — но за последние месяцы я к ней привыкла. В кои-то веки я пожалела, что не ношу пышных нижних юбок, без которых, как утверждала мама, не обойтись ни одной приличной даме. Простой покрой моего зеленого дорожного платья не стеснял движений, но тонкая ткань нисколько не согревала на ледяном ветру.

Я подняла овчинный воротник, спасаясь от снега, и пошла дальше. В карманах позвякивала горстка монет, оставшихся после работы за границей. Я понимала, что здесь смогу купить на них разве что жалость, да и то если удастся сторговаться. Но каждая из них могла рассказать историю, и я радовалась их дружественному звону, продираясь сквозь белую пургу к таверне.

Джентльмен в длинном коричневом пальто, едва ли не до бровей замотанный шарфом, придержал мне дверь, и я зашла внутрь. Повесив пальто и кепку у двери и пристроив рядом чемодан, я смахнула с волос снежинки. В помещении пахло дубовой древесиной, дровами и пивом. В камине пылал огонь, и тепло зацепало мои онемевшие щеки. Полдюжины

посетителей разместились за тремя-четырьмя круглыми деревянными столами.

В дальнем углу стояло фортепиано, скамья возле него пустовала. Я знала несколько мелодий наизусть: брала уроки музыки, пока училась в школе, ведь матушка настаивала, что леди должна играть на инструменте. Она бы упала в обморок, если бы узнала, что однажды я найду такое низменное применение ее урокам и воспитанию, оказавшись одна-одинешенька в этой странной американской таверне. Я поспешно отбросила размышления о безграничном благоразумии своей матери, чтобы случайно не передумать, и подошла к лысому бармену, улыбаясь своей самой очаровательной улыбкой. Взглянув на меня, он приподнял кустистую бровь, отчего у него на лбу проступили морщины.

— Добрый день, сэр, — сказала я, подойдя к стойке. — Меня зовут Эбигейл Рук. Я только что сошла на берег и нуждаюсь в деньгах. Не позволите ли вы сесть за ваше фортепиано и сыграть несколько...

— Оно сломано, — перебил меня бармен, — уже несколько недель.

Должно быть, я не смогла скрыть своего разочарования, потому что он тут же смягчился.

— Но не спешите, — сказал он, налил пинту пенистого эля и подвинул ее мне, добродушно подмигнув. — Посидите здесь, мисс, переждите снегопад.

Спрятав удивление за благодарной улыбкой, я устроилась за стойкой возле сломанного фортепиано. Оглядев других посетителей, я снова услышала в голове голос матушки, которая непременно заметила бы, что я выгляжу как «легкомысленная девица», если не хуже, а пьяные дегенераты, завсегда и подобных мест, вот-вот набросятся на меня, как волки на заблудшую овечку. Но пьяным дегенератам не было до меня никакого дела, да и большинство из них выглядели вполне прилично, хотя казались усталыми после долгого дня. Двое в дальнем конце зала и вовсе играли в шахматы — более чем пристойную игру. И все же мне было странно держать в руке пинту эля, даже хотелось обернуться и проверить, не идет ли директор. Это была не первая моя порция алкоголя, но я все еще не привыкла к тому, что со мной обращаются как со взрослой.

Я взглянула на собственное отражение в замерзшем окне. Всего лишь год назад я покинула английские берега, но уже едва узнавала себя в той молодой женщине, что отражалась в стекле. Соленый морской воздух лишил щеки мягкости, лицо загорело — по крайней мере, по английским стандартам. Вместо аккуратных, украшенных лентами кос, так нравившихся матушке, на голове был небрежный пучок, который казался бы слишком строгим, если бы несколько волнистых прядей не выбилось из него на ветру и не спустилось на шею. Сбежавшая из дортуара девушка осталась в прошлом, и теперь на ее месте оказалась эта незнакомая женщина.

Оторвавшись от собственного отражения, я взглянула на вихрь белых снежинок, кружившихся в свете газового фонаря. Пригубив горький эль, я почувствовала, что кто-то стоит у меня за спиной. Я медленно повернулась и чуть не разлила свой напиток.

Пожалуй, больше всего меня поразили его глаза: огромные, напряженные, пытливые. Глаза и тот факт, что он стоял в каком-то полушаге от моего стула, чуть подавшись вперед, из-за чего мы едва не стукнулись носами, когда я обернулась.

Его черные или темно-каштановые волосы были в полном беспорядке: им хватило приличия лишь лечь зачесанной назад спутанной гривой, из которой выбилось несколько прядей, падающих на виски. У него были острые скулы и темные круги под светлыми, пасмурно-серыми глазами. Казалось, эти глаза прожили уже сотню жизней, но в остальном

он выглядел молодым и полным сил.

Я чуть отстранилась, чтобы внимательнее разглядеть незнакомца. Он был худощавым и угловатым. Его толстое коричневое пальто, висевшее, должно быть, не меньше его самого, спускалось ниже колен, обвиснув под тяжестью переполненных карманов. Лацканы пальто были не видны за длинным шерстяным шарфом, доходившим едва ли не до колен. Я узнала этот шарф: замотанный им мужчина придержал мне дверь. Видимо, он вернулся в таверну следом за мной.

— Здравствуйте! — выдавила я, восстановив равновесие. — Чем могу помочь?

— Вы только что вернулись с Украины.

Это был не вопрос. Его голос был спокоен, в нем слышались даже нотки... довольства? Пока он говорил, его серые глаза двигались, словно он обдумывал каждую мысль, прежде чем озвучить ее.

— Вы пересекли Германию, а затем преодолели внушительное расстояние на огромном судне... сделанном, держу пари, в основном из железа.

Склонив голову набок, он продолжал смотреть на меня, но не прямо в глаза, а куда-то в сторону, словно был очарован моими волосами или плечами. В школе я научилась справляться с нежелательным вниманием со стороны мальчишек, но здесь было нечто совершенно иное. Казалось, он был поглощен мною и в то же время совершенно мною не заинтересован. Я была взволнована и заинтригована одновременно.

Запоздало сообразив, что к чему, я с улыбкой спросила:

— Ах, вы тоже с «Леди Шарлотты»? Прошу прощения, мы встречались на борту?

Искренне озадаченный, мужчина наконец встретился со мной взглядом.

— С какой еще леди? О чем вы говорите?

— С «Леди Шарлотты», — повторила я. — Это торговое судно из Бремерхафена. Разве вы не были среди пассажиров?

— С этой леди я не знаком. Похоже, с ней шутки плохи.

Этот странный тип продолжал рассматривать меня: очевидно, моя прическа и швы моего жакета интересовали его гораздо больше моих слов.

— Если мы не плыли вместе, как вы вообще... Ах, должно быть, вы заметили мои багажные бирки.

Я старалась не выдать смущение, но все же отстранилась, когда мужчина придвинулся еще ближе, открыто разглядывая меня. От него слабо пахло гвоздикой и корицей. В спину мне неудобно впиалась дубовая столешница.

— Ничего подобного. Это было бы невежливым вторжением в личное пространство, — безучастно заметил незнакомец, после чего снял пушинку с моего рукава, попробовал ее на вкус и сунул куда-то в складки своего мешковатого пальто.

— Я поняла, — заявила я, — вы — детектив.

Глаза мужчины снова встретились с моими. Я почувствовала, что на этот раз попала в точку.

— Вы прямо как... тот детектив, который консультирует Скотланд-Ярд в рассказах. И что же меня выдало? Дайте угадаю! Вы почувствовали, что мое пальто пропахло соленой водой, а к платью прилип какой-то особенный тип глины? Что-то такое, да? Расскажите!

Мужчина ответил не сразу.

— Да, — сказал он наконец, — что-то такое.

Он едва заметно улыбнулся, а затем развернулся на каблуках и направился к выходу.

Замотав шарф и натянув вязаную шапку, он распахнул дверь и вышел напрямик в снежный вихрь. Прежде чем дверь закрылась, я поймала последний взгляд его дымчато-серых глаз между шерстяными краями шапки и шарфа.

А потом он ушел.

После этой странной встречи я спросила бармена, известно ли ему что-нибудь о незнакомце. Усмехнувшись, бармен закатил глаза.

— Я много что слышал. Может, что-то из этого и правда. Почти каждый здесь может рассказать о нем какую-нибудь историю. Правда, ребята?

Несколько завсегдатаев рассмеялись и принялись вспоминать обрывки историй, но уследить за их разговором я была не в силах.

— Помнишь тот случай с кошкой и репой?

— А тот жуткий пожар в доме мэра?

— Мой кузен ему верит, но он верит и в морских чудищ с русалками.

Кажется, мой вопрос возродил давно забытый спор между двумя стариками за шахматной доской, который быстро перерос в перебранку о суевериях и наивности. Вскоре обе стороны заручились поддержкой гостей за соседними столиками. Одни настаивали, что этот странный тип — шарлатан, другие утверждали, будто он посланник небес. В разгаре этой перепалки я наконец услышала имя незнакомца. Его звали Р. Ф. Джекаби.

Глава вторая

К следующему утру мне удалось вытеснить мистера Джекаби из своих мыслей. Постель в моей маленькой комнатке оказалась теплой и удобной и стояла мне всего лишь часа мытья посуды и подметания полов, хотя хозяин гостиницы и дал понять, что это только разовое одолжение. Я распахнула шторы и впустила в комнату утренний свет. Чтобы продолжить свои смелые приключения, не опускаясь при этом до жизни под мостом и еды из мусорных баков — или, еще хуже, письма родителям с просьбой о помощи, — мне нужно было найти подходящую работу.

Я положила чемодан на кровать и щелкнула замками. Одежда внутри сгрудилась у стенок в две кучки, которые словно не желали находиться в обществе друг друга. С одной стороны лежали тонкие платья с изящными вышитыми подолами, кружево которых тотчас вздохнуло и всколыхнулось: смятая ткань вернулась к жизни. Напротив нежных пастельных материалов и непрактичных украшений лежало несколько пыльно-коричневых рабочих штанов и поношенных рубашек. Между двумя стопками особняком держались нижнее белье и носовые платки.

Осмотрев свои пожитки, я вздохнула. Других вариантов у меня не было. Все остальные мои наряды износились, и теперь я столкнулась с двумя крайностями: я могла одеться или как мальчишка, или как воздушное пирожное с кремом. Вытащив из чемодана простую нижнюю рубашку и панталоны, я захлопнула крышку, несмотря на приглушенные протесты красивых платьев. На столбике кровати висело зеленое дорожное платье, в котором я приехала накануне. Я поднесла его к свету: подол обносился и до сих пор не просох после снегопада, кое-где на нем уже появилась бахрома. Но я все равно надела это платье и спустилась вниз. Сначала нужно было найти работу, а уже потом задуматься о новой одежде.

В свете дня Нью-Фидлем выглядел свежо и многообещающе. На улице было все так же морозно, но холод уже не казался таким пронизывающим, как накануне вечером. В приподнятом настроении я шагала по мощеным тротуарам с чемоданом в руке. На этот раз я решила найти подходящую для себя работу. Мой опыт был весьма скромным: до этого я работала лишь в одном месте, по глупости откликнувшись на объявление, в котором жирными заглавными буквами сообщалось о НЕВЕРОЯТНОЙ ВОЗМОЖНОСТИ, о ШАНСЕ ВСЕЙ ЖИЗНИ, но мое наивное воображение привлекло другое слово: ДИНОЗАВРЫ.

Да, динозавры. Мой отец занимался антропологией и палеонтологией, из-за чего и я жаждала открытий, хоть отец считал, что эту жажду мне не стоит утолять. В детстве я могла наглядно увидеть работу отца только во время походов в музей. Я прилежно училась, делала успехи в школе и с нетерпением ждала поступления в университет, пока не узнала, что на той же неделе, когда начнутся мои занятия, отец отправится руководить самыми важными раскопками в его карьере. Я умоляла его позволить мне поступить в университет и чуть с ума не сошла от радости, когда он наконец сумел убедить в этом матушку, однако теперь одна мысль о том, чтобы корпеть над пыльными учебниками, пока он совершает настоящие открытия, приводила меня в уныние. Я хотела быть в гуще событий, как мой отец. Я упрашивала его взять меня с собой, но он, конечно же, отказался, заявив, что юной леди на раскопках не место. По его разумению, мне следовало окончить обучение и найти хорошего мужа с приличной работой.

Так все и случилось. За неделю до начала учебного семестра я откликнулась на

объявление о НЕВЕРОЯТНОЙ ВОЗМОЖНОСТИ и, прихватив отложенные родителями на мое обучение деньги, присоединилась к экспедиции в Карпатские горы. Я боялась, что девушку на раскопки не возьмут, и потому купила в комиссионном магазине несколько брюк — все они были мне велики, но я закатала штанины и нашла подходящий ремень. Я научилась говорить низким голосом и прятать свои длинные каштановые волосы под старой дедушкиной кепкой — она была точь-в-точь такой, какие носили все мальчишки-газетчики, и я не сомневалась, что она удачно завершит мой образ. Результат оказался поразительным. Я сумела превратиться в... глупую девчонку, нарядившуюся в мальчишеские вещи. Как выяснилось, руководитель раскопок был настолько увлечен этим плохо профинансированным и слабо организованным предприятием, что ему не было дела даже до того, человек ли я, не говоря уже о том, какого я пола. Он просто обрадовался получить пару рук, готовых работать за еду.

Последующие месяцы можно было назвать «невероятной возможностью», только если кто-то считает таковой возможность несколько месяцев питаться одинаковыми безвкусными обедами, спать на неудобной койке и изо дня в день ковыряться в каменистой почве в бесплодных поисках. Окаменелостей никто не обнаружил, и финансирование прекратилось, а потому экспедицию свернули, после чего мне пришлось самой искать способ добраться домой с восточных рубежей Европы.

«Хватит мечтать! Пора образумиться!» — казалось, именно этому меня должны были научить несколько месяцев, за которые я спустила деньги на целый семестр учебы. После своего сокрушительного провала я оказалась в немецком морском порту, надеясь уплыть обратно в Англию. По-немецки я говорила ужасно: едва могла связать пару слов. В процессе переговоров о цене койки на большом торговом судне «Леди Шарлотта» мне с трудом удалось понять, что капитан вообще не плывет в Англию, а собирается ненадолго зайти во французский порт и затем отправиться в плаванье по Атлантике в Америку.

Поразительнее всего было то, что перспектива переплыть океан и оказаться в Штатах пугала меня гораздо меньше, чем возможность вернуться домой. Не знаю, чего я боялась больше — встречи с родителями, у которых украла деньги на обучение, или окончания своего приключения, которое, казалось, толком и не началось.

В тот день я купила три вещи: открытку, марку и билет на «Леди Шарлотту». Должно быть, родители получили открытку в то же время, когда я наблюдала за исчезающими на горизонте европейскими берегами и огромным затуманенным океаном, открывающимся передо мной. Я была уже не так наивна и полна надежд, как в самом начале своего путешествия, но мир с каждым днем становился все больше. На открытке я написала краткое послание:

Дражайшие матушка и отец,

надеюсь, вы в добром здравии. Как вы и предупреждали меня, оказалось, что на профессиональных раскопках юной леди не место. Отправляюсь на поиски более подходящего занятия.

С любовью,

Э. Рук

Теперь, в Нью-Фидлеме, я не собиралась отказываться от своей тяги к приключениям, но в качестве компромисса решила устроиться на приличную работу, чтобы обеспечивать себя.

Первым делом я зашла в бакалейную лавку. Когда я открыла дверь, в лавке звякнул колокольчик, и хозяйка, худощавая старушка, подняла голову от тележки, доверху нагруженной мешками с мукой.

— Доброе утро, дорогуша! Секундочку!

Она подняла один из тяжелых мешков на полку у себя за спиной, но он зацепился за угол стеллажа, и старушка потеряла равновесие. Мешок упал на пол, в воздух взметнулось белое облако.

— Мамочки мои! Подождете еще минутку? — извиняющимся тоном спросила она.

— Конечно. Позвольте вам помочь, — сказала я и поставила свой чемодан на пол.

Старушка с радостью приняла мою помощь. Я принялась поднимать мешки на полку, а она тем временем принесла метлу и совок.

— Я вас раньше не видела, — заметила хозяйка лавки, подметая пол.

— Я только вчера приехала, — подтвердила я.

— Из Лондона, судя по акценту?

— На несколько графств юго-западнее. Из маленького городка в Гэмпшире. Вы бывали в Англии?

Старушка ни разу не покидала Штаты, но с радостью выслушала мой рассказ. За приятной беседой мы быстро справились с тяжелыми мешками. Когда я положила последний из них на полку, она убрала пустую тележку в соседнюю комнату, исчезнув за стеллажами с товарами. Не успела она вернуться, как колокольчик снова звякнул, и в магазин вошел бородатый краснощекий мужчина.

— Мне жестянку «Старины Барта». Спасибо.

Я поняла, что все еще стою за прилавком, и оглянулась в поисках хозяйки.

— О, я не... Я здесь не...

— Это трубочный табак, милочка. Стоит прямо у вас за спиной — вон тот, с желтой этикеткой.

Я взяла жестянку с портретом крепкого моряка и положила ее на прилавок.

— Хозяйка сейчас вернется, сэр, — сказала я.

— Вы и так неплохо справляетесь, — улыбнулся мужчина и принялся отсчитывать монеты.

Старушка наконец вернулась, вытирая руки о фартук.

— Доброе утро, мистер Стэплтон! — радушно воскликнула она. — Жестянку «Барта»?

Выскользнув из-за прилавка, я позволила хозяйке завершить сделку.

— Мне нравится ваша новенькая, — сказал мистер Стэплтон, прежде чем уйти.

Еще раз добродушно улыбнувшись мне, он открыл дверь.

— Не волнуйтесь, милочка, вы освоитесь. Просто не вешайте свой хорошенький носик.

С этими словами он вышел на улицу, и дверь за ним захлопнулась.

— О чем это он? — спросила хозяйка.

— Произошло небольшое недоразумение.

— Что ж, юная леди, не знаю, как вас и благодарить, — сказала старушка, закрывая кассу. — Что вы хотели?

— На самом деле я хотела спросить, может, у вас есть работа...

Она сочувственно мне улыбнулась.

— Простите, дорогая, у меня работы нет. Спросите на почте: у них там рук не хватает.

Я взглянула на прогнувшиеся под весом товаров полки у нее за спиной и вытерла пот со лба.

— Вам точно не нужна никакая помощь?

В благодарность за то, что я была такой хорошей девочкой, она вручила мне сверток с помадкой и отправила восвояси, что ничуть не помогло мне почувствовать себя уверенной в себе взрослой женщиной. Забрав чемодан, я последовала совету мистера Стэплтона: не стала вешать нос — и пошла дальше.

Бродя по холодным улицам Нью-Фидлема, я встретила еще нескольких радушных лавочников и служащих, но никто из них не предложил мне работу. Город был весьма примечательным, но я никак не могла понять его географию. Казалось, улицы не шли параллельно более пары кварталов. Проспекты прокладывались, будто исходя из нужд жителей, а не по генеральному плану. Постепенно я прочертила границы размытых районов города: скопление заснеженных коммерческих зданий, квартал безликих офисов и промышленный округ, где здания разрастались в крупные фабрики с высокими трубами. Между ними находились жилые районы.

Каждая улица обладала своим характером. По обе стороны мостовой высились внушительные здания, словно боровшиеся друг с другом за господство в районе. Вдоль дорог стояли уличные торговцы, несмотря на снег, предлагающие прохожим свои товары; ребятишки взбегали на холмы, чтобы скатиться вниз на самодельных салазках; в обе стороны двигались потоки людей, шаги которых вместе со скрипом колес экипажей составляли постоянную пульсацию городской жизни.

Через несколько часов я наконец разыскала почту Нью-Фидлема. Вопреки предположению бакалейщицы, там мне тоже не улыбнулась удача. Однако когда я повернулась к выходу, кое-что привлекло мое внимание. На доске объявлений среди заметок о пропаже животных и сдаче комнат внаем висел измятый листок. С одной стороны к нему был прикреплен портрет сбежавшей колли, а с другой — объявление о комнате на Волнат-стрит. Виднелись лишь слова: «...РЕБУЕТСЯ АССИСТЕН...».

Осторожно высвободив объявление, я прочитала его целиком:

ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО

ТРЕБУЕТСЯ АССИСТЕНТ

2 доллара в неделю

Требования: грамотность, пытливый ум, отсутствие предрассудков.

Предпочтение отдается небрезгливым кандидатам.

Обращайтесь на Авгур-лейн, 926

Не глазейте на жабу.

Хотя объявление было довольно необычным, я сочла, что полностью соответствую требованиям, а два доллара в неделю обеспечат мне и стол, и крышу над головой. Спросив дорогу у почтальона, я прошла короткую милю до указанного адреса.

Небольшое здание расположилось среди гораздо более высоких и громоздких строений делового центра. По замерзшим тротуарам в обе стороны спешили мужчины в строгих костюмах. Проходя мимо дома номер 926, они немного ускорили шаг, словно заметив

впереди что-то очень важное, как школьники, всячески избегающие необходимости здороваться с младшими братьями на виду у сверстников.

На изогнутой кованой штанге над дверью висел знак, на котором крупными буквами было написано «926 — ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО» и более мелкими — «Частные расследования и консультации: наша специализация — необъяснимые явления».

Здание было трехэтажным, под крышей у него, возможно, даже хватало места для небольшого чердака. Архитектор явно не поскупился на элементы декора: не думая особо о форме и функциональности различных деталей, он включил в свое творение колонны, арки и резные фестоны всевозможных стилей везде, где позволяло место. Балюстрады и карнизы шли под разными углами, причем некоторые, казалось, точно не знали, какому этажу они принадлежат. Несмотря на это буйство стилей, в целом здание смотрелось вполне органично. В нем было не найти и двух элементов, которые бы сочетались друг с другом, но при этом вместе они складывались в картину, где все было на своих местах.

На ярко-красной двери красовался молоточек, размером и формой напоминающий подкову. Подойдя, я трижды постучала и замерла в ожидании. Я напрягла слух, однако не услышала ни приближающихся шагов, ни звука отодвигаемого кресла. Через несколько долгих секунд я дернула за ручку, и дверь отворилась.

— Есть кто-нибудь? — спросила я и переступила порог.

Прихожая переходила в комнату, похожую на приемную. Перед заваленным книгами и бумагами столом стояла деревянная скамья. Поставив свой чемодан у стены, я прошла дальше. В правой части комнаты висела длинная полка, которую занимали несколько толстых томов в кожаных переплетах и странный набор артефактов, включая череп какого-то животного, маленькую каменную статуэтку толстой обнаженной женщины и похожую на гнездо груды палок и веревок. На краю полки стоял стеклянный резервуар с землей, листьями и небольшим прудиком.

Подавшись вперед, я всмотрелась в стекло, пытаюсь найти обитателя этого террариума. Несколько секунд спустя я разглядела шишковатые очертания серо-зеленой жабы, которая смотрела прямо на меня. Она раздувала крошечные ноздри и казалась сердитой. Вдруг она рыгнула и раздулась, демонстрируя внушительный второй подбородок. Пока он становился все больше, из глаз жабы начал выходить какой-то газ. Я с удивлением смотрела на нее. Ошибки быть не могло: из глаз амфибии сочился газ, по цвету почти не отличавшийся от влажной жабьей кожи. Вскоре дымом заволокло весь террариум. По ту сторону стекла раздался тихий свист. Вонь не заставила себя ждать.

Позади меня хлопнула дверь, и я обернулась. Из соседней комнаты, натягивая пальто, вышел не кто иной, как мистер Р. Ф. Джекаби. Застегнув пальто, он на секунду остановился и взглянул на меня. Я же, в свою очередь, не смогла промолвить ничего, кроме неопределенного:

— Э-э-э...

Его лицо внезапно исказилось, и он нарушил молчание.

— О, боже мой! Вы глазели на жабу?! Не стойте столбом, откройте окно рядом с вами. Этот газ еще несколько часов не рассеется.

Он бросился к окну в другом конце комнаты и распахнул его настежь. Оглянувшись, я нашла другое окно и последовала примеру хозяина. Едкая вонь сочилась из террариума и заползала мне в ноздри, постепенно набирая силу, как боксер, который разминается перед боем.

— Вы... — начала было я, а затем попробовала снова: — Я пришла по объявлению, которое увидела на почте. Вы...

— Вон! Вон! — Джекаби сорвал с крючка свою вязаную шапку и замахал руками. — Можете продолжать, если хотите, только, пожалуйста, не здесь!

Мы успели выйти на улицу, прежде чем у меня заслезились глаза, и я с удовольствием глотнула свежего холодного воздуха. Взглянув на красную дверь, я задумалась, не броситься ли обратно за чемоданом. Джекаби пошел по тротуару, на ходу заматывая свой длинный шарф. Помедлив, я решила оставить чемодан и поспешила за таинственным незнакомцем.

Глава третья

Чтобы догнать Джекаби, мне пришлось перейти на бег. Когда я поравнялась с ним, он уже дошел до угла. Он быстро шевелил губами, беззвучно бормоча слова, которые не утруждался произносить вслух. Непокорные пряди выбились из-под его забавной шапки, и я вполне понимала их желание сбежать.

— Вы работаете в... агентстве? — спросила я.

— В каком еще агентстве? — бросил он, оглянувшись.

— В детективном агентстве. Вы служите детективом? Я так и знала! Я ведь говорила. Я догадалась, что вы детектив!

Джекаби улыбнулся.

— Приходится соответствовать, — сказал он и резко завернул за угол.

Я последовала за ним.

— Вы случайно не знаете, нашли ли они ассистента?

— Вы о ком? Кто такие «они»?

Я протянула ему объявление, и Джекаби окинул его взглядом.

— Полагаю, вы все неправильно поняли, — сказал он. — Но не переживайте, для большинства людей это нормально.

Он сложил листок с объявлением пополам и сунул в карман пальто, а затем снова внезапно завернул за угол.

— Меня зовут Джекаби. Как вы и сказали, я детектив. Но я не работаю в детективном агентстве... Я и есть детективное агентство. Я оказываю услуги криминального сыска. Следовательно, они — это я, а я — это они. А вы...

— О, Эбигейл, — ответила я. — Эбигейл Рук.

— Рук, — повторил он. — Как птица или как шахматная фигура?^[1]

— И то и другое, наверное? — ответила я. — Или просто... как мой отец.

Казалось, мой ответ успокоил Джекаби и в то же время заставил его потерять ко мне интерес. Кивнув, детектив снова уставился на мощеный тротуар и погрузился в мысли.

Джекаби шел быстро, но при этом на удивление много петлял. Я снова решила заговорить, только когда мы миновали несколько кварталов.

— Так ее уже заняли? — спросила я. — Должность ассистента?

— Да, — ответил мой спутник, и я упала духом. — После того как я разместил объявление, должность занимали уже... пять раз. И освобождали тоже пять раз. Трое молодых людей и одна юная леди решили уволиться после первого же дела. Последний джентльмен оказался гораздо более стойким и полезным. Он остается со мной в... другой ипостаси.

— В какой ипостаси?

Притормозив, Джекаби отвернулся от меня, и его слова чуть не растворились на ветру.

— Он временно стал водоплавающей птицей.

— Что-что?

— Это неважно. Вакансия открыта, Эбигейл Рук, но я не уверен, что вы справитесь.

Взглянув на расхристанного детектива, я обдумывала наш странный разговор. Его нелепая шапка совершенно не сочеталась по цвету с длинным шарфом. Пальто, обвисшее на худощавом теле, хоть и выглядело дорого, но было основательно поношено. Карманы были

набиты под завязку, и их содержимое тихонько позвякивало при каждом шаге детектива. Одно дело — получить от ворот поворот от человека в строгом костюме, галстук и цилиндре, но здесь все было совсем иначе.

— Вы что, меня за нос водите? — спросила я.

Джекаби недоуменно взглянул на меня.

— Мисс Рук, я вашего носа и не касался.

— Я имею в виду: вы серьезно? Вы правда расследуете «непонятные явления», как написано у вас на вывеске? Это вообще ваш дом?

— Необъяснимые, — поправил меня Джекаби. — Ну да.

— Что же такое «необъяснимое явление»?

— Я замечаю то... что не видят другие.

— Как тогда, в таверне? Вы ведь так и не сказали, каким образом столько узнали обо мне с первого же взгляда.

— Где? Юная леди, разве мы уже встречались?

— Разве мы... Вы смеетесь? В таверне! Вы каким-то образом узнали, откуда я приехала...

— Ах, так это были вы. Точно. Как я и сказал... я многое замечаю.

— Оно и видно, — кивнула я. — И мне очень хочется узнать, что вы заметили во мне, сэр, ведь на лицо вы явно не обратили внимания. А когда мне чего-то очень хочется, я становлюсь весьма настойчивой, вот увидите. Это одно из качеств, которое делает меня превосходным ассистентом.

Я понимала, что дело вряд ли выгорит, но вместе с очередным отказом хотела хотя бы получить объяснение. Гордо вздернув подбородок, я пошла дальше плечо к плечу с детективом, хотя, если честно, мое плечо едва доходило ему до локтя.

Вздыхнув, Джекаби остановился на углу очередной мощеной улицы. Поджав губы, он повернулся ко мне лицом.

— Посмотрим, — наконец сказал он. — Я заметил, что вы недавно были на Украине. Догадаться было несложно. Молодой домовик, украинский подвид славянского домового, успел свить гнездо в складках полей вашей шляпы.

— Кто-кто?

— Домовик. Будь его шерсть чуть длиннее, его было бы легко спутать с русским домовым. Он неплохо обосновался и, видимо, залез поглубже, когда вы сели на корабль. Что и переносит нас в Германию. Совсем недавно вы подцепили молодого клабаутермана, особую разновидность немецкого кобольда. По природе своей кобольды тянутся к минералам и принимают цвет излюбленного вещества. Ваш кобольд серый, как железо. Волшебный народец редко любит железо. Большинство духов не может к нему прикасаться. Возможно, поэтому ваш бедный домовик и закопался так глубоко. Клабаутерманы чрезвычайно полезны. Смотрите, он залатал вам подол пальто — должно быть, так он благодарит вас за то, что вы его подвезли. Эти славные ребята нередко помогают морякам и рыбакам. Генри Уодсворд Лонгфелло написал об одном наглеце, который...

— Вы хотите сказать, что у меня на одежде живут два воображаемых существа, хотя я их не вижу? — перебила его я.

— Вряд ли их можно назвать воображаемыми — и вам же лучше, что вы не видели этого паренька! — Джекаби хриловато усмехнулся. — Не к добру человеку, который принес кобольда на корабль, заметить своего спутника. Так недалеко и до крушения.

— Но вы их видите? — спросила я. — Вы сразу заметили их в той таверне?

— Нет, не сразу. Когда вы повесили пальто, я заметил помет у вас на лацкане, и решил, что...

— Помет?

— Да, вот здесь. На лацкане.

Я опустила голову и смахнула несколько пылинок с чистейшего лацкана, а затем снова выпрямилась, чувствуя себя невероятно глупо.

— И люди платят вам, чтобы вы им об этом рассказывали?

— Когда это необходимо для решения их проблем, — ответил Джекаби и устремился дальше. — Некоторые мои клиенты в высшей степени мне благодарны. Дом на Авгур-лейн мне подарил мэр Спейд. Он был очень рад избавиться от гнезда брауни, которые обосновались в углу его поместья и без конца проказничали, маленькие негодники. К счастью, брови мэра отросли быстрее, чем снова зацвели все розы его жены.

— Клиенты платят вам недвижимостью? — поразила я.

— Конечно, нет, — отмахнулся Джекаби. — Здесь были... особенные обстоятельства. Большинство клиентов платит мне банкнотами, кое-кто — монетами. Бывает, люди расплачиваются золотом или серебром, если оно у них есть. Свои чайные сервизы и подсвечники я уже и сосчитать не могу. И предпочитаю все же банкноты.

— Но тогда... почему вы так странно одеты?

Бестактный вопрос сорвался с моих губ, прежде чем я успела прикусить язычок. Матушка пришла бы в ужас.

— Странно одет? — поморщился Джекаби. — Дорогая моя, мой гардероб состоит из бесценных вещей.

Я не могла понять, шутит он или говорит серьезно.

— Прошу, не поймите меня неправильно, сэр, но разве эта шапка бесценна? — с сомнением в голосе спросила я.

— Шелк ценится гораздо выше хлопка из-за способа его получения. Его нити часами производят крошечные шелкопряды, в то время как хлопок растет на любой ферме в Штатах и продается тоннами. Моя шапка, мисс Рук, связана из шерсти единственного выжившего йети из Швейцарских Альп, окрашена краской, которую смешала сама Баба-яга, и связана моей дорогой подругой Агатой в качестве подарка на мой день рождения. В вязании Агата новичок, но она вложила в эту шапку свою душу. Кроме того, она древесная нимфа. Не так уж много нимф занимается вязанием. Теперь скажите: разве моя шапка не ценнее тончайшего шелка?

Он говорил серьезно.

— Теперь я понимаю, — кивнула я, стараясь, чтобы мои слова прозвучали как можно более убедительно. — Прошу прощения. Просто на первый взгляд она не кажется такой уникальной.

Джекаби то ли фыркнул, то ли усмехнулся.

— Я перестал переживать о том, что думают окружающие, Эбигейл Рук. Советую и вам последовать моему примеру. По собственному опыту я знаю, что окружающие обычно заблуждаются.

Во все глаза глядя на своего спутника, я вслед за ним завернула за угол и едва не налетела на стоявшего там полицейского. Полдюжины одетых в форму офицеров окружало вход в массивное кирпичное здание, сдерживая толпу любопытных зевак.

— Ну вот, — улынувшись, сказал Джекаби. — Мы на месте.

Глава четвертая

Высокий, широкоплечий полицейский с орлиным носом свысока посмотрел на нас, и стало очевидно, что мой спутник здесь пользуется не большим весом, чем я. Джекаби отреагировал на препятствие с безграничной уверенностью. Детектив решительно подошел к офицерам.

— Выше нос, джентльмены, держим спину прямо. Толпа напирает, давайте отодвинем ее еще шагов на пять. Приступайте.

Стоявшие в дальнем конце оцепления офицеры, которым не было видно Джекаби, повиновались его властному тону и пошли вперед, отодвигая небольшую толпу зевак. Ближайшие к нам офицеры колебались, переводя взгляд с товарищей по службе на странного типа в нелепой зимней шапке.

Джекаби прошел между двумя офицерами.

— Когда прибудет старший инспектор Марлоу, скажите ему, что он опоздал. Это крайне непрофессионально.

Молодой офицер, одетый в форму, которую словно сняли с плеча гораздо более крупного предшественника, поспешно вышел вперед.

— Но Марлоу уже полчаса как внутри, сэр.

— Что ж, тогда скажите ему, что он... пришел слишком рано, — нашелся Джекаби. — Это еще хуже.

Полицейский с орлиным носом, на которого я чуть не налетела, завернув за угол, обернулся, когда Джекаби пошел к двери. Неуверенность в его взгляде сменилась раздражением. Он шагнул к Джекаби и положил руку на рукоятку блестящей черной дубинки.

— Ни с места! — воскликнул он.

Я тоже сделала шаг вперед.

— Прошу прощения, сэр...

Мне бы очень хотелось сказать, что я не уступала детективу в уверенности и прибегла к остроумию и смекалке, чтобы прорваться через баррикады, но правда гораздо менее интересна. Офицер взглянул на меня, и я открыла было рот, но слова, в которых я так отчаянно нуждалась, так и не пришли. Несколько кратких мгновений я стояла молча, а затем, вопреки благоразумию, упала в обморок.

Я однажды видела, как некая дама лишилась чувств на роскошном ужине, и попыталась повторить ее движения. Закатив глаза, я прислонила тыльную сторону ладони ко лбу и покачнулась. Дама на ужине разумно упала прямо на бархатный диван, однако я стояла на мощеной улице, а потому шансов на мягкое приземление у меня почти не было. Подогнув колени, я повалилась прямо на руки громадного полицейского, принося в жертву последние остатки приличий.

Через несколько секунд я моргнула и посмотрела на офицера. Судя по выражению его лица, он чувствовал себя так же неловко, как и я. Очевидно, гнев и подозрительность были знакомы ему гораздо лучше, чем тревога и забота, но надо отдать ему должное: он старался проявить сочувствие.

— Э-э-э... мисс, с вами все в порядке?

Я встала, держа его за руку и делая вид, что мне трудно дышать.

— О боже! Должно быть, это все свежий воздух да усталость. Слишком большая нагрузка. Вы ведь знаете, какими мы, женщины, бываем.

Я возненавидела себя за эти слова, но не вышла из роли. Окружившие нас офицеры согласно закивали, и я возненавидела и их.

— Огромное вам спасибо, сэр.

— Может быть, вам... хм... присесть? — спросил полицейский.

— С удовольствием. В таком случае я войду, офицер. К тому же мне не хочется отставать от своего спутника. Он переживает, когда я теряюсь. Вы совершенно правы. Еще раз спасибо.

Здоровяк кивнул и показался мне уже не таким грозным. Ему явно нравилось, когда с ним соглашались. Благодарно улыбнувшись полицейским, я проскользнула в здание, прежде чем они успели осмыслить произошедшее.

Джекаби удивленно изогнул бровь, когда я закрыла за собой дверь. Мы оказались в тесном, но прекрасно освещенном фойе. Слева у стены расположились миниатюрные металлические почтовые ящики, а справа была широкая лестница, по обе стороны от которой стояли толстые колонны. Впереди виднелась дверь с табличкой «АПАРТАМЕНТЫ «ИЗУМРУДНАЯ АРКА»: УПРАВЛЯЮЩИЙ». Сквозь окошко в двери был виден рабочий стол. В маленьком кабинете полицейский брал показания у паренька в униформе швейцара. Никто из них не обратил на нас внимания.

— Это ваше нелепое представление не должно было сработать, — заметил Джекаби.

— И не говорите, — ответила я и взглянула на входную дверь. — Я даже оскорбилась, что все прошло как по маслу.

Детектив усмехнулся.

— Так зачем вы его разыграли? Уверен, работу можно найти и без наглой лжи вооруженным офицерам.

Помедлив, я все же решила защититься.

— Не такой уж и наглой, — тихо сказала я. — Большинство мужчин более чем рады считать всех женщин слабыми и незащищенными. Так что ложь существовала и до меня, я же просто удачно ее использовала.

Прищурившись, Джекаби пристально посмотрел на меня и улыбнулся.

— Может, вы и справитесь с работой, мисс Рук. Посмотрим. Держитесь рядом.

— Куда мы направляемся? — спросила я.

— Сейчас узнаю, — ответил детектив и заглянул в кабинет управляющего.

До меня донеслось какое-то бормотание, а затем Джекаби снова повернулся ко мне и махнул рукой в сторону лестницы.

— Квартира 301. После вас.

Наши шаги гулким эхом разносились над пролетами лестницы.

— То есть полицейский просто сказал вам, куда идти? — спросила я.

— Да, он был весьма любезен, — ответил Джекаби.

— Значит, вы действительно работаете с полицией.

— Нет, над этим делом я не работаю... пока что. Я просто задал вопрос и получил ответ.

Джекаби обогнул балясину и пошел дальше. Я с секунду подумала.

— Это что, какая-то магия? — спросила я, почувствовав себя глупо.

— Конечно, нет, — поморщился Джекаби.

Он на секунду задержался и осмотрел балясину, а затем пошел выше.

— Нет? Значит, вы не прибегали — не знаю — ни к каким чарам?

Детектив остановился и повернулся ко мне.

— С чего вы так решили? — удивился он.

— Мы только что проникли на место преступления, но вы не боитесь возбудить подозрение полиции. Да и разговоры ваши...

— Какие подозрения я могу возбудить? На улице полдюжины вооруженных часовых, которые пропускают лишь тех, кому позволено здесь находиться. Все точь-в-точь как с вашим липовым обмороком: я просто позволил его догадке сыграть мне на руку. Честно говоря, мисс Рук, до магии здесь очень далеко.

— От вас всего можно ожидать. Не то чтобы я верила во все эти... оккультные дела. Я не верю ни в домовых, ни в гоблинов, ни в Санта-Клауса!

— Само собой, ведь это глупо. Я не о домовых и гоблинах, конечно, ведь они существуют, но Санта — это полная чепуха.

— Ну вот! Как вы можете говорить о чепухе, когда сам верите в сказки?

— Мисс Рук, я не оккультист, — сказал Джекаби и повернулся ко мне лицом. — Я человек науки. Я верю в то, что вижу и могу доказать, но вижу я часто больше остальных. У меня есть дар, насколько я знаю, уникальный. Он позволяет мне видеть истину там, где другие видят лишь иллюзию, — а иллюзий много, как и масок, и фасадов. Говорят, что мир — театр, и я, похоже, единственный, кто сидит на месте, с которого можно заглянуть и за кулисы.

К примеру, я верю, что пикси любят мед и молоко не потому, что так гласит народное поверье... Я верю в это потому, что несколько раз в неделю наполняю для них блюдце молоком и они с удовольствием его пьют. Кстати говоря, они удивительные создания. У них чудесные крылышки: тонкие, как паутина, и переливающиеся в лунном свете.

Он говорил так убежденно, что было сложно отрицать даже самые странные его заявления.

— Если вы обладаете... особенным видением, — осторожно начала я, — то что же вы здесь видите? Что мы ищем?

Джекаби нахмурился.

— Я точно не знаю, что видят остальные. Расскажите, что вы видите, а я вас поправлю. Используйте все свои чувства.

Я оглядела лестницу.

— Мы стоим на площадке второго этажа. Лестница деревянная, довольно старая, но вроде бы еще крепкая. На стенах висят масляные лампы, но они не горят — свет проникает сквозь грязные окна во внешней стене. Посмотрим... В солнечных лучах танцуют пылинки, воздух сухой и холодный. Пахнет старым деревом и еще чем-то. — Я принялась и попыталась описать запах, который прежде не замечала. — Чем-то... металлическим.

— Интересно, — кивнув, сказал Джекаби. — Мне нравится, как вы все это описали. Пылинки танцуют на свету — все это очень поэтично.

— Ваша очередь, — ответила я. — Что вы видите?

Он нахмурился и медленно пошел на третий этаж. Когда мы оказались в коридоре, он опустил руку в сторону и провел ею по воздуху, словно сидел в лодке и касался ряби на поверхности воды. Выражение его лица было тревожным, на лбу проступили морщины.

— Чем мы ближе, тем острее я ее чувствую. Она темная и разливается во все стороны, как капля чернил или воды, растекающаяся сотней тоненьких ручейков.

— Кто она? — шепотом спросила я, пытаясь разглядеть невидимое.
Джекаби ответил и того тише:
— Смерть.

Глава пятая

Длинный узкий коридор завершался широким окном на дальней стене. Его освещали масляные лампы, отбрасывающие мягкий желтоватый свет. У входа в квартиру прямо перед нами стоял полицейский и, прислонившись к косяку открытой двери, смотрел в комнату. Табличка у него над головой гласила, что это и есть квартира номер 301. Чем ближе мы подходили, тем отчетливее я чувствовала запах меди и гнили. Джекаби шел впереди, и я заметила, что он замедлил шаг. Дойдя до полицейского, детектив остановился, склонил голову набок и внимательно его осмотрел.

Офицер резко обернулся на звук хлопнувшей двери, но, увидев нас, сразу же расслабился. Он смотрел, как мы приближаемся, однако не торопился пригласить нас войти. Он был аккуратно подстрижен, его форма была отглажена и накрахмалена. Воротник мундира стоял торчком, а пуговицы и значок сияли. Ботинки, скорее напоминавшие остроносые парадные туфли, чем грубые башмаки среднестатистического полицейского, были так начищены, словно принадлежали медной статуе, а не живому человеку.

— Добрый день, офицер, — сказал Джекаби. — Марлоу ждет нас внутри. Не хотелось бы очень сильно опаздывать.

— Нет, не ждет, — ответил полицейский, бесстрастно разглядывая Джекаби.

В свете ламп я сделала вывод, что он всего на год-другой меня старше. Из-под форменной фуражки выбивались локоны чернильно-черных волос. Он повернулся и вежливо кивнул мне, встретившись со мной взглядом глубоких карих глаз. Смущенно улыбнувшись, он снова посмотрел на детектива. К моим щекам вдруг прилила краска, и я обрадовалась, что молодой офицер так быстро отвел глаза.

— Ах да, — ответил Джекаби, не сбавляя шага, — но он все равно захочет с нами увидеться. Устроим ему сюрприз. Он обрадуется.

— Очень в этом сомневаюсь, — заметил полицейский. Он говорил с легким акцентом: в его речи слышались американские нотки, но в то же время было и что-то восточноевропейское. — Я вас знаю.

— Правда? — недоуменно переспросил Джекаби.

— Да, вы детектив. Вы распутываете... — он на секунду замялся, — *особые* дела. Инспектору Марлоу вы не по душе.

— У нас с инспектором сложные отношения. Как ваше имя?

— Чарли Кейн, сэр. Можете звать меня Чарли. Старший инспектор сейчас опрашивает свидетелей дальше по коридору. — Офицер отошел в сторону и открыл Джекаби путь в квартиру. — Я все о вас знаю. Вы помогаете людям. Вы помогли моему другу, пекарю с Маркет-стрит. Больше никто не смог ему помочь. Никто ему не верил... У него не было денег, но вы все равно ему помогли.

— Антону? Он хороший пекарь. До сих пор оставляет мне свежий багет каждую субботу.

— Поспешите, мистер Джекаби. — Чарли осмотрел коридор, когда детектив проскользнул в квартиру. — А вы, мисс...

— Рук, — представилась я предельно профессионально, надеясь, что голос не выдает моего смущения. — Эбигейл Рук.

— Что ж, мисс Рук, вы тоже хотите осмотреть квартиру?

— Я... конечно. Да, я ассистирую мистеру Джекаби. Точнее, собираюсь.

Джекаби мрачно зыркнул на меня из глубины квартиры, но ничего не сказал. Я скользнула внутрь и тут же оказалась в облаке металлической вони. В квартире было всего две комнаты. В первой расположилась гостиная, где были небольшой диван, письменный стол, дубовый обеденный стол и простой деревянный буфет. Больше почти ничего не было, только на стене висела потускневшая картина с изображением парусника, а в рамке на письменном столе стоял небольшой портрет светловолосой женщины.

Дверь в следующую комнату была открыта настежь, обнажая отвратительный источник вони. На полу лежало тело, под которым растеклась бордовая лужа. На мертвце были простой жилет и накрахмаленная рубашка, заляпанные алым на груди. И жилет, и рубашка были так изодраны, что было невозможно определить, где заканчивается ткань и начинается плоть жертвы. На этот раз мне и правда стало дурно, но я призвала на помощь все свое упрямство, чтобы не лишиться чувств по-настоящему. Я заставила себя отвести глаза от кровавой сцены и последовать за детективом, который тем временем вернулся в первую комнату.

Джекаби бегло осмотрел аскетичную гостиную. Обмотав палец концом длинного шарфа, он открыл буфет, затем заглянул под стол. Ненадолго задержавшись около письменного стола, выдвинул и задвинул обратно стул. Возле стола стоял и другой стул, который Джекаби изучил внимательнее: наклонился и осторожно коснулся пальцем прожилок на дереве. Пошарив в своих набитых карманах, детектив вытащил голубоватый пузырек и поднес его к глазам, а затем взглянул на стул сквозь стекло.

— Хм...

Он выпрямился и вернулся к жуткой сцене в спальне. Пузырек снова исчез у него в кармане. Я последовала за детективом, дыша сквозь ткань рукава, хотя это мне почти не помогало. Джекаби быстро осмотрел и эту комнату, проверил гардероб и заглянул под подушку, а затем снова повернулся к телу. Я попыталась изучить обстановку и запомнить, где и как лежали вещи покойного, но впоследствии у меня остались лишь туманные воспоминания об этом месте. Едва ли не против своей воли я взглянула на несчастного, распростертого на полу, и эта картина навсегда запечатлелась в моей памяти.

— Скажите, мисс Рук, — начал Джекаби, опускаясь на колени возле жертвы, — что вы заметили в первой комнате?

Я отвела глаза от тела и взглянула на дверь, пытаясь припомнить хоть что-то необычное.

— Он живет очень скромно... Точнее, *жил*, — неловко поправилась я. Пока я осматривалась по сторонам, мои мысли постепенно отошли от трупа и начали обретать форму. — Полагаю, он жил один. Однако у него, похоже, была возлюбленная: ее фотография стоит в красивой рамке на столе. В буфете почти нет еды, но на столе много бумаг, а также современная печатная машинка, несколько ручек и как минимум одна свободная чернильница. Судя по печатным бланкам, его звали Артур Брагг. Корзина полна смятых бумаг. Не удивлюсь, если он был писателем.

— Хм, — бросил Джекаби и взглянул на дверь. — Корзина?

Я попыталась прочесть его мысли, не глядя на тело. Что за детектив не смотрит в корзину для бумаг? Герои приключенческих рассказов всегда находили в корзинах важные улики.

— Да. Она стоит возле стола.

Джекаби снова обратился к телу. Приподняв уголок ковра, он заглянул под него.

— А что насчет стульев?

— Стульев? — Я с секунду подумала. — Точно. У стола стоят два стула. Если бы стул был один, не было бы ничего удивительного, но второй... Должно быть, у него был гость! — я снова посмотрела в гостиную. — Да, второй стул взяли у обеденного стола. Кто-то сидел напротив него возле письменного стола. Поэтому вы и заинтересовались этим стулом. Странно, что они не сели за обеденный стол. Как думаете, о чем это говорит?

— Понятия не имею, — ответил Джекаби.

— Все ли я перечислила? Может, вы заметили нечто, что я упустила?

— Конечно, заметил, — сказал детектив так обыденно, что за его тоном я даже не обратила внимания на то, как высокомерно это прозвучало. — Вы проигнорировали тот факт, что его гость не был человеком. Полагаю, в других обстоятельствах это и можно было счесть несущественным, но, учитывая состояние, в котором теперь пребывает несчастный, есть основания предположить, что это довольно важно.

— Не был человеком? — недоуменно переспросила я.

— Точно так. На стуле остались следы явно магической ауры, а у тела их и того больше. Сложно сказать, кто именно здесь побывал, но существо это довольно старое. Даже древнее. Не переживайте, вы не могли всего этого заметить. Теперь расскажите, что вы думаете о теле?

Я помедлила.

— Он точно мертв, — сказала я, не желая снова смотреть на покойника.

— Так. Что дальше?

— Он явно потерял много крови, после того как... — Я сплотнула, не отводя глаз от Джекаби. — После того как его разорвали.

— Именно! — Джекаби улыбнулся мне. — Довольно проникательно.

— Проникательно? — удивилась я. — При всем уважении, сэр, это невозможно не заметить. На бедняге нет живого места!

— Но странность ведь не в ране.

— Не в ране? Неужели вы каждый день видите людей с распоротой грудью?

— Полагаю... *детектив* имеет в виду, — раздался новый голос с порога, и я заметила, что на слове «детектив» говоривший споткнулся, словно сомневался, достоин ли Джекаби столь высокого звания, — что гораздо большую загадку представляет собой кровь, которой здесь нет, чем та, что есть.

Я обернулась. В комнату вошел полицейский с двумя серебристыми шпалами на рукаве. Он сурово посмотрел на Джекаби. Висевшие у него на ремне тяжелые железные наручники ритмично позвякивали при ходьбе, пока офицер не остановился в нескольких шагах от тела. Его волевой подбородок был безупречно выбрит.

Джекаби даже не поднял глаз. Он пошарил в карманах и продолжил осматривать тело сквозь всевозможные пузырьки и цветные линзы.

— Вы совершенно правы, старший инспектор, — сказал он. — Этот ковер должен быть насквозь пропитан кровью, а на нем почти нет пятен, не считая тех, что находятся прямо рядом с торсом. Такое впечатление, что кровь с раны вытерли. Вот здесь и еще здесь. Будто кто-то взял полотенце и промокнул лишнее.

Он сунул в карман вытянутый зеленоватый диск и поднялся на ноги. Себе под нос он добавил:

— Только вот зачем вытирать тело, если собираешься бросить все вот так?

— Огромное вам спасибо за умозаключения, к которым я уже пришел за час до того, как вы ворвались на место преступления, — произнес старший инспектор Марлоу. — А теперь, мистер Джекаби, назовите мне хоть одну причину, по которой мне не стоит заключать вас в камеру до самого конца расследования.

— Что, вы бросите меня за решетку за дружеский визит?

— Именно. А еще за помехи следствию, незаконное проникновение... Черт подери, да я уверен, что одна только ваша мерзкая шапка достойна отдельной уголовной статьи. Вы до сих пор не выбросили эту ветошь?

— Помехи следствию? Вы так называете бесплатное предоставление моих бесценных наблюдений?

— В тех наблюдениях, которые я и сам могу сделать, ценности мало.

— Подождите, это ведь еще не все, — вмешалась я и тотчас пожалела, что не сумела сохранить молчание. — Он заметил кое-что еще...

— О, давайте угадаю! — перебил меня старший инспектор. — Наш преступник... — Он сделал театральную паузу. — Не человек?

— Так и есть, — ответил Джекаби.

— Как и грабители банка с Уинстон-стрит?

— Вероятнее всего, это были не люди, — кивнул Джекаби. — Небольшой клан валлийских пикси.

— А что насчет драки в таверне Микки?

— За тощего не поручусь, конечно, но здоровяк явно был троллем. Как минимум наполовину.

— А как же тот «бакалейный призрак», который все переставлял товары по ночам?

— Ладно, тут я уже признал свою ошибку. Как мы выяснили, это была мисс Моды с Хэмптон-стрит, но не стоит забывать, что старушка с приветом.

Марлоу глубоко вздохнул, покачал головой и повернулся ко мне.

— А вы у нас?..

Представившись, я начала объяснять, что пришла по объявлению. Он опять меня перебил.

— Еще одна? — спросил он у Джекаби, а затем снова посмотрел на меня. — Вот вам мой совет, юная леди. Бегите от него, пока он не впутал вас в свои безумные дела. Это дело не женское. А теперь выметайтесь с места преступления, оба. Чтоб я вас больше не видел. Это вам не пьяная драка, а убийство. Вон! — Он обернулся и крикнул в коридор: — Детектив Кейн, довольно с меня идиотов на сегодня. Будто мне мистера Хендерсона было мало. Проводите этого джентльмена и юную леди к выходу.

Марлоу отошел в сторону, и перед нами возник Чарли Кейн, который, потупившись, нервно теребил сияющие пуговицы своей униформы.

— Как всегда, было приятно с вами поболтать, Марлоу, — проходя мимо инспектора, любезно сказал Джекаби.

Марлоу фыркнул. Я вслед за новым начальником вышла в коридор, и старший инспектор захлопнул за нами дверь.

— А у него сегодня хорошее настроение, — заметил Джекаби.

— О, Марлоу — превосходный старший инспектор, — ответил Чарли.

— Нисколько не сомневаюсь, — сказала я. — Вы ведь детектив Кейн?

Полицейский смущенно отвел глаза.

— Вообще-то младший детектив, мисс, если уж быть точным, — признался он. Улыбнувшись, он снова встретился со мной взглядом и продолжил: — Работать со старшим инспектором Марлоу — честь для меня. Он сегодня немного резок. Это дело взял под личный контроль новый комиссар полиции, поэтому Марлоу и нервничает.

— Кто такой Хендерсон? — спросил Джекаби.

— Кто? — откликнулся Чарли.

— Хендерсон. Марлоу упомянул его имя. Сказал что-то об идиотах.

— О, это, наверное, Уильям Хендерсон, квартира 313. Он... странный. Мы подумали, что он располагает важной информацией, ведь он сказал, что рано утром услышал стоны, словно кто-то громко рыдал. Только вот инспектор спросил его о том, когда эти стоны прекратились, а мистер Хендерсон недоуменно посмотрел на него и сказал, что они и не думали прекращаться. Он говорит, что нам стоит прислушаться. Мол, он отчетливо их слышит, неужели не слышим мы? Мы все прислушались, а слух у меня отменный. Но никаких звуков не было. Хендерсон утверждает, что плач такой громкий, словно рыдают прямо в этой комнате. Мол, займитесь уже этим. Он начал выходить из себя, так что инспектор завершил допрос, заверив его, что мы во всем разберемся. Странный случай.

— Интересно, — протянул Джекаби и пошел по коридору, смотря на номера квартир.

Я поспешила следом.

— Подождите, — окликнул нас Чарли. — Я ведь сказал инспектору, что провожу вас к выходу.

— И проводите, — бросил Джекаби через плечо. — Проводите непременно, как вам и велено. Однако я не услышал, чтобы Марлоу сказал, когда именно нам следует уйти и по какому маршруту, так что давайте сначала перекинемся парой слов с этим странным типом. Согласны? Странных типов я люблю. Вот мы и на месте!

Джекаби отрывисто постучал в дверь квартиры 313. Последовала пауза, а затем дверь открылась, и на пороге возник плохо выбритый мужчина с кустистыми бакенбардами и усталыми запавшими глазами. Он был в ярко-красной пижаме, а вокруг его головы был затянут кожаный ремень, плотно прижимавший к ушам две декоративные подушки. Маленькие кисточки, украшавшие одну из них, поколыхались и замерли, когда он посмотрел на нас из-под нахмуренных бровей.

— Ну? — буркнул он.

Улыбнувшись, Джекаби протянул ему руку.

— Полагаю, вы мистер Хендерсон?

Глава шестая

Мистер Хендерсон сделал шаг назад и пропустил нас в квартиру, которая точь-в-точь походила на квартиру жертвы, только здесь на месте письменного стола стоял потертый диван, а на обеденном столе в большой вазе лежали разноцветные фрукты. И не подумав убрать подушки от ушей, мистер Хендерсон громко обругал полицейских, которые так и не заглушили шум, а затем опустился на диван и поморщился.

— Мы не из полицейского управления, — сказал Джекаби и положил на стол узкий кожаный футляр, который достал из пальто.

— Я оттуда, — вставил Чарли.

— Большинство из нас не из полицейского управления, — поправился Джекаби. — Мистер Хендерсон, опишите, пожалуйста, стоны, которые вы слышите.

Развязав кожаные завязки футляра, детектив раскатал его на столе. Послышалось тихое звяканье. Заглянув ему через плечо, я увидела в футляре три узких кармашка с какими-то металлическими инструментами.

— Разве вы его не слышите? — прокричал хозяин. — Может... проблема во мне?

— Прошу вас, опишите звук, — повторил Джекаби.

— Он такой... такой... такой... — Голос мистера Хендерсона смягчался с каждым словом, а глаза опускались все ниже. — Такой печальный.

— Мистер Хендерсон, уберите, пожалуйста, подушки, — велел Джекаби и вытащил маленький инструмент с двумя длинными зубцами.

Мужчина снова посмотрел на нас. У него на глазах выступили слезы, а на лице вместо раздражения отразилась тоска.

— Мистер Хендерсон, — повторил Джекаби, — прошу, уберите подушки.

Медленно подняв руки, Хендерсон снял с головы кожаный ремень. Подушки упали. Мужчина тотчас зажмурился и напрягся всем телом: видимо, беззвучный вой снова атаковал его уши.

— Откуда исходят стоны? — серьезно спросил Джекаби. — Вы можете определить направление?

Из глаз Хендерсона покатались слезы. Он покачал головой — не знаю точно, хотел ли он ответить «нет» или же прогнать надоедливый звук.

Джекаби постучал зубцами инструмента по столу. Зазвенела чистая, ясная, долгая нота. Это был обычный камертон. Тело Хендерсона тотчас расслабилось, и он обмяк на диване. Всклипнув, он изумленно посмотрел на детектива. Нота приятно звучала еще несколько секунд, постепенно затихая. Не дав ей погаснуть, Джекаби снова стукнул камертоном по столу.

— А теперь? — спросил он.

— Я все еще их слышу, — пробормотал Хендерсон, в голосе которого слышалось облегчение вместе с недоумением. — Но гораздо дальше. Плач по-прежнему печален. Прямо как... — Он снова всклипнул и осекся.

— Как что? — мягко уточнил Джекаби, не сбиваясь с мысли.

— Прямо как мама плакала на отцовских похоронах, — сдавленно сообщил Хендерсон. — Точь-в-точь как она.

Джекаби снова стукнул камертоном.

— То есть голос женский?

Хендерсон кивнул.

— Теперь вы можете определить, откуда он доносится?

Хендерсон сосредоточился и обратил глаза к потолку.

— Сверху, — решил он.

— Прямо сверху? — спросил Джекаби. — Из квартиры над вашей?

Хендерсон снова задумался, и Джекаби в очередной раз стукнул камертоном, чтобы ему помочь.

— Нет, — ответил хозяин квартиры, — немного... Кажется, отсюда.

— Прекрасно. Мы сейчас же займемся этим вопросом. Однако, пока вы сосредоточены, попробуйте вспомнить вчерашний вечер. Вы не заметили ничего необычного? Может, столкнулись с каким-нибудь незнакомцем на лестнице?

Тяжело вздохнув, Хендерсон растрепал примятые подушками волосы.

— Кажется, нет. Ничего необычного. Ее голос...

— Что было до голоса? Может, вспомните что-нибудь?

Еще немного подумав, Хендерсон покачал головой.

— Вряд ли. До этого наверху кто-то играл на скрипке. Там часто играют ближе к вечеру. Весьма недурно. Вечером кто-то стоял у окна в коридоре. Наверное, это грек из квартиры напротив. Он выходит на балкон курить сигары. Думает, его жена об этом не знает. Но он не слишком-то скрывается. Топают как слон. Больше ничего необычного. Хотя...

— Да? — оживился Джекаби.

— Был еще один звук... Такой... Не знаю даже, как описать.

Он сердито нахмурился, пытаясь припомнить, что именно слышал. Джекаби снова стукнул камертоном, и Хендерсон глубоко задышал, сосредотачиваясь на воспоминаниях.

— Такой... металлический. *Звяк-звяк*. Вот такой. Наверное, это часы у него на цепочке звенели. Вскоре после этого начались рыдания. Она была так печальна...

— Огромное спасибо за содействие, мистер Хендерсон.

Свободной рукой Джекаби свернул футляр и сунул его в карман пальто. Последний раз стукнув камертоном, он подошел ближе к Хендерсону.

— Я за ним вернусь, — сказал он и протянул камертон хозяину, — но пока он вам нужнее.

Хендерсон осторожно взял инструмент из рук детектива, держа его за основание, чтобы не оборвать кристально чистую ноту. Его глаза, такие же красные, как пижама, светились благодарностью. Он кивнул, после чего Джекаби несколько неловко потрепал его по плечу и вышел в коридор.

Когда я покинула квартиру, Джекаби уже изучал окно в конце коридора. Он открыл щеколду, закрыл ее и открыл снова, затем ощупал раму. Снаружи виднелся очень узкий балкон, на котором стоял горшок с землей, где, вероятно, рос цветок, пока не ударили морозы. Не успела я спросить, заметил ли он что-нибудь необычное, как он пошел по коридору в противоположном направлении. Мы с Чарли поспешили за ним, тихо миновали закрытую дверь триста первой квартиры и вышли на лестницу.

— Интересно, сколько над нами этажей? — пробормотал Джекаби, поднимаясь по ступенькам.

— Должно быть, всего один, — предположила я. — В фойе было четыре ряда почтовых ящиков, а номера квартир начинались на цифры с одного до четырех. Так что, если здесь нет

мансарды...

Тут я замолчала. Мы дошли до площадки. Перед нами действительно оказалась еще одна дверь в коридор. Джекаби повернулся ко мне и наклонил голову набок.

— Почтовые ящики? — спросил он.

— Э-э-э, да. В фойе.

Уголок его губ приподнялся в довольной ухмылке.

— Тонкое наблюдение, мисс Рук. Очень тонкое.

— Вы считаете? — Как ни странно, мне очень хотелось произвести хорошее впечатление на странного нового начальника. — Это поможет расследованию?

Усмехнувшись, Джекаби повернулся к двери и взялся за ручку.

— Ничуть. Но наблюдение очень тонкое. Очень.

Глава седьмая

Четвертый этаж комплекса апартаментов «Изумрудная арка» почти ничем не отличался от третьего. Грязные масляные лампы давали тусклый свет, которого не хватало, чтобы осветить помещение должным образом. Джекаби подошел к квартире номер 412 и громко постучал в дверь.

— Что именно мы ищем? — шепотом спросила я у начальника, пока мы ждали на пороге.

За дверью раздались шаркающие шаги.

— Не знаю, — ответил Джекаби, — но очень хочу это выяснить. А вы?

Дверь открыл мужчина среднего возраста, одетый в нижнюю рубаху, брюки со стрелками и с подтяжками. В руках он держал влажное полотенце, на подбородке виднелись островки крема для бритья.

— Да? — сказал он.

Джекаби с ног до головы осмотрел хозяина квартиры.

— Простите. Мы ошиблись дверью, — объявил он. — Вы явно просто человек.

Не говоря более ни слова, он оставил озадаченного хозяина в одиночестве.

Когда Джекаби отрывисто постучал в квартиру 411, дверь открыла женщина. На ней было простое белое платье, аккуратно застегнутое до самой шеи, а ее рыжие волосы были уложены в тугий пучок.

— Здравствуйте. В чем дело? Я уже сказала, что ничего не видела, — немного раздраженно произнесла она с явным ирландским акцентом.

— Просто женщина, — заключил Джекаби после очередного беглого осмотра. — Бесполезна. Прошу прощения.

Он развернулся на каблуках и подошел к квартире номер 410.

Женщина, которой такое обращение пришлось не по вкусу, вышла в коридор.

— И что вы хотите этим сказать? — спросила она.

Я постаралась слиться со стеной, когда она подлетела к детективу. Чарли вдруг проникся живым интересом к носкам своих блестящих туфель.

— Просто женщина? — повторила ирландка. — Нет в этом ничего простого! Довольно я нагляделась на таких, как вы. Все только и рассуждают о слабом поле. Сам тощий, как щепка, а туда же. Может, проверим, кто из нас слабее?

— Я просто хотел сказать, что сейчас от вас никакого толка, — бросил Джекаби, даже не оборачиваясь.

Чарли покачал головой.

— Я образованная женщина, сиделка и медсестра! — взвилась хозяйка квартиры. — Да как вы смеете...

Джекаби наконец повернулся.

— Мадам, уверяю вас, я лишь хотел сказать, что в вас нет ничего особенного.

Я закрыла лицо ладонью.

Женщина густо покраснела. Джекаби улыбнулся ей — уверена, ему казалось, что это лишь любезная улыбка после вполне логичного объяснения. Похоже, он намеревался забыть об инциденте, списав его на недопонимание. Однако он, очевидно, не был готов получить увесистый удар в лицо.

Это была не символическая женская пощечина — удар был так силен, что детектив развернулся, отлетел к стене и сполз по ней на пол.

Женщина гневно уставилась на него.

— Ничего особенного?! Просто женщина? Я Мона О'Коннор из славного рода О'Конноров, который берет начало от королей и королев Ирландии! Да во мне столько силы, что никчемному созданию вроде вас со мной уж точно не потягаться. Что вы на это скажете?

Джекаби, пошатнувшись, сел. Осторожно пошевелив челюстью, он взглянул на свою противницу. В его серых глазах, подобно тучам перед грозой, забегали мысли.

— О'Коннор, говорите?

— Верно. Вам еще и ирландцы не по душе? — Мисс О'Коннор стиснула зубы и строго посмотрела на Джекаби, ожидая, осмелится ли он сознаться в своих предрассудках.

Но детектив поднялся на ноги, отряхнул пальто — содержимое карманов при этом зазвенело, возвращаясь на место, — и закинул шарф за плечо.

— Приятно познакомиться, мисс О'Коннор. Полагаю, у вас есть сожительница?

Гнев Моны поубавился. Она взглянула на нас с Чарли, увидела на наших лицах такое же недоумение и снова посмотрела на детектива. Он ответил ей невинной, любопытной улыбкой. Левая сторона его лица покраснела, на щеке проступили очертания четырех изящных пальцев. Он повел себя ровно так, как не подобает мужчине, которому только что дали пощечину.

— Может, с вами живет престарелая родственница? — предположил он как ни в чем не бывало, — или подруга семьи? Рискну предположить, вы помните ее с детства.

Мона побледнела.

— Она уже в возрасте, но нельзя сказать, сколько точно ей лет, — продолжил Джекаби. — Сколько вы себя помните, она всегда была рядом, но в воспоминаниях она кажется вам такой же старой, как и сейчас.

Мона стала белее мела.

— Но как вы... — начала она.

— Меня зовут Джекаби, и я с удовольствием познакомлюсь с ней, если вы, конечно, не возражаете, — заявил он.

Брови Моны сдвинулись, но ее решимость явно пошатнулась.

— Я... обещала матушке, что позабочусь о ней.

— Даю вам слово, я не причиню ей вреда.

— У нее как раз... очередной приступ. Я... послушайте, я прошу прощения за это, э-э-э, недоразумение, но думаю, вам лучше прийти в другой раз.

— Мисс О'Коннор, я уверен, что на карту поставлены жизни людей, так что сейчас для нашей встречи самое время. Обещаю, я сделаю все, что в моих силах, чтобы облегчить ее страдания. Позвольте нам войти?

Мисс О'Коннор, воинственность которой как ветром сдуло, подошла к своей открытой нараспашку двери. С секунду помедлив в нерешительности, она в конце концов отступила в сторону и жестом пригласила нас войти.

Квартира была спланирована точно так же, как и две другие, но казалась при этом чище и просторнее. Сквозь белые занавески в комнату струился мягкий свет. Обеденный стол был накрыт простой коричневой скатертью. На ней лежали кружевные салфетки, стояла ваза со свежими цветами, а рядом — белый фарфоровый тазик и кувшин. Маленький, но мягкий диван был покрыт толстым вязаным пледом. В углу было деревянное кресло-качалка.

Комната казалась уютной, хотя внизу в такой же обстановке развернулась жуткая сцена.

— Присаживайтесь, — сказала Мона, и я с благодарностью приняла ее приглашение. Утонув в диванных подушках, я почувствовала, что холодные утренние прогулки не пройдут для моих ног незаметно.

Офицер Кейн вежливо поблагодарил хозяйку, но остался стоять у двери. В светлой комнате я впервые смогла его хорошенько разглядеть. Он был действительно довольно молод для детектива и даже для младшего детектива. Хотя держался с достоинством и был весь внимание, его темные брови выдавали легкую неуверенность. Время от времени он расправлял плечи, словно пытался справиться с желанием скрыться из вида. Чарли Кейн встретился со мной взглядом и тут же отвел глаза. Я поспешно повернулась к Джекаби и хозяйке квартиры.

Мисс О'Коннор тихо подошла к двери в спальню. Джекаби последовал за ней, на ходу снимая вязаную шапку. Я подалась вперед, пытаюсь заглянуть внутрь. В комнате едва хватало места для двух кроватей и одной тумбочки между ними, на которой лежали потрепанная книга и серебряный гребень. Одна кровать была пуста и заправлена как в больнице. На другой лежала женщина с длинными белыми волосами, одетая в светлую ночную рубашку. Она откинулась на подушки и чуть раскачивалась из стороны в сторону. Больше я ничего не увидела: Мона и Джекаби вошли в комнату и встали прямо перед ней.

— У нас гость, — сказала Мона, — мистер... Джекаби, верно? Это миссис Морриган.

— Миссис Морриган, конечно же, — тихо сказал Джекаби и опустился на колени возле старушки. — Здравствуйте, миссис Морриган. Для меня честь встретиться с вами. Вы меня слышите?

Я подвинулась на диване, чтобы разглядеть старушку рядом с Джекаби. Она была худая, со светлой кожей и серебристо-белыми волосами. Но мое внимание привлекло выражение ее лица: седые брови печально изогнулись, а тонкие поджатые губы дрожали, когда она глубоко вздыхала. Затем старушка запрокинула голову и открыла рот в беззвучном плаче. От жалости к несчастной страдальце у меня сжалось сердце.

Ее челюсть дрогнула, она выдохнула, и я услышала всепоглощающую тишину. Старушка снова медленно вдохнула, и будто все ее тело излилось новым криком, но с ее изящных губ не сорвалось ни малейшего звука.

У меня по спине пробежал холодок. Помимо очевидной странности этого зрелища было в беззвучных рыданиях женщины и что-то более тревожное. Меня захлестнула волна печали и ужаса. Неужели Джекаби так и жил? Неужели он за каждой дверью встречал лишь смерть, отчаяние и безумие?

— Порой с ней такое случается, — объяснила Мона почти шепотом. — Так было всегда. Она не может контролировать эти приступы. Это похоже на судороги... Но ни в одной из своих медицинских книг я ни о чем подобном не читала. Дома приступы не повторялись неделями, даже месяцами. Здесь ей должно было стать лучше, но мы и недели не прожили в этой квартире, как... Так плохо ей еще не было. Она страдает со вчерашнего дня.

— Со вчерашнего дня? — переспросил Джекаби.

— Да, приступ начался вчера рано утром и не прекращался всю ночь.

Миссис Морриган содрогнулась, когда воздух снова покинул ее легкие. На мгновение она открыла глаза и посмотрела на Джекаби. Она протянула ему свою слабую руку, и он осторожно взял ее в свою. Это был, пожалуй, его самый человечный поступок на моей памяти. Затем глаза старушки снова закрылись и начался новый цикл беззвучных рыданий.

Джекаби наклонился и прошептал что-то на ухо несчастной. Мона встревоженно смотрела на него. Миссис Морриган снова открыла глаза и угрюмо кивнула детективу. Она продолжила беззвучно кричать, но ее тело немного расслабилось на подушках. Джекаби аккуратно положил ее руку на кровать и поднялся на ноги.

— Спасибо, — сказал он и вышел в гостиную.

Мона последовала за ним и бесшумно закрыла за собой дверь. Детектив откинул со лба свои темные непокорные локоны и снова натянул шапку.

— Что вы ей сказали? — спросила Мона.

Джекаби помедлил с ответом.

— Ничего особенного. Мисс О'Коннор, спасибо, что уделили нам время. Боюсь, сейчас я не могу помочь миссис Морриган, но, если вас это утешит, к вечеру приступ прекратится.

— К вечеру? — повторила Мона. — Вы в этом так уверены?

Переступив порог квартиры, Джекаби обернулся. Я поднялась с дивана и вслед за ним выскользнула в коридор.

— Да, я вполне уверен. Позаботьтесь о своей пациентке, мисс О'Коннор. Хорошего вам дня.

Мы успели выйти на лестницу, когда она закрыла за нами дверь. Я и Чарли тотчас набросились на Джекаби с расспросами. Что он сказал? Что это за приступы? Откуда ему знать, что к вечеру приступ пройдет?

— Это не приступ. Она *причитает* и перестанет сегодня, потому что к завтрашнему утру мистер Хендерсон уже умрет. — Голос Джекаби был бесстрастен: в нем слышался разве что скромный намек на интерес, который был сродни интересу ботаника к редкой орхидее. — Миссис Морриган — банши.

Слово висело в воздухе, пока мы спускались по ступеням.

— Причитает? — спросил Чарли.

— Она банши? — выпалила я. — Эта старушка? Она и есть наш убийца?

— Наш убийца? — Джекаби остановился на площадке и повернулся ко мне лицом. Я замерла. — Ради всего святого, как вы пришли к такому заключению?

— Вы ведь сами так сказали. Квартиру жертвы посетил не человек. Какая-то древняя сущность. А банши... Это ведь их крики убивают? Разве они не... убивают криком?

Мои слова будто скользнули в густую тень, смущенные соседством со мной. Когда Джекаби взглянул на меня, в его глазах не было злобы, но читалось сожаление. Так смотрят на глупого щенка, который свалился с кровати, гоняясь за собственным хвостом.

— Значит, она не наш убийца?

— Нет, — отрезал Джекаби.

— Что ж, хорошо, — пробормотала я.

— Причитания, — сказал Джекаби, поворачиваясь к Чарли, — это способ оплакивания покойников.

Он пошел вниз по лестнице, продолжая объяснения.

— По традиции женщины-плакальщицы плачут по покойнику на ирландских похоронах.

Говорят, у нескольких семей плакальщицами выступали феи. Эти феи происходили из потустороннего мира и назывались «женщинами с другой стороны», что по-ирландски звучит как «бан-ши». Они были преданны тем семьям, которые выбирали, и исполняли самые печальные песни, когда умирал любой из представителей рода, даже если смерть настигала его далеко от дома и вести о трагедии не успевали долететь до его близких. Как

вы, должно быть, уже догадались, семейство мисс О'Коннор было из тех привилегированных родов, которым прислуживали банши.

Джекаби резко остановился, чтобы осмотреть истертое дерево ступеней. Чарли шел по пятам за детективом, а потому ему пришлось схватиться за перила, чтобы не налететь на склонившуюся перед ним фигуру. Столь же быстро поднявшись, Джекаби пошел дальше. Он что-то искал на ступеньках, но по ним изо дня в день ходили все жильцы этого здания, и я сомневалась, что ему удастся обнаружить хоть сколько-нибудь важные улики.

— На чем я остановился? — спросил детектив.

— На банши, — подсказал ему Чарли. — Они оплакивали членов семьи дома, даже если те умирали далеко.

— Точно. Так вот, звук плача банши стал знамением смерти. Приверженные своему делу, с годами банши становились все более чуткими. Они стали предвидеть смерть при ее приближении. Вместо того чтобы причитать для оставшихся родственников покойного, банши начали петь свои ужасные песни самому обреченному. Они по-прежнему тесно связаны со своими семьями, но их сила возросла и распространилась на всех, кто находится рядом. Любой несчастный, дни которого сочтены, может услышать зловещий плач, особенно если он обречен на насильственную и безвременную смерть. Несчастные путники, слышавшие этот плач, понимали, что смерть уже не за горами, поэтому их стали опасаться и презирать, хотя раньше уважали и любили за оказываемые услуги похоронного плача. Однако сами банши не представляют опасности, им просто приходится выражать людскую боль и печаль.

Я вспомнила лицо миссис Морриган и вдруг устыдилась своего поспешного обвинения. Я обрадовалась, что Джекаби проявил к ней нежность, и поняла, что он дал ей то немногое, что мог дать: свою благодарность.

— К счастью, мы с вами не слышим плач банши, — продолжил он. — Он предназначен не нам. Хендерсон слышит его, поскольку банши плачет по нему — и по нему одному. Полагаю, в преддверии своей безвременной кончины его слышала и наша жертва из триста первой квартиры. Миссис Морриган не успела даже сделать передышку между причитаниями.

Мы повернули на последний пролет, и лестницу залил яркий свет, струящийся из фойе.

— Как нам ему помочь? — вдруг спросил Чарли. — Если к мистеру Хендерсону идет убийца, не можем же мы просто ждать, когда негодяй сделает свое дело! Может, его перевезти в безопасное место? Приставить к его двери часовых?

Джекаби вышел в фойе. Полуденное солнце стояло высоко в небе. Облака накрыли занесенный снегом мир, белизна которого слепила глаза.

— Если так вам будет легче, можете попытаться. Но толку от этого не будет. Если он слышит плач банши, судьба мистера Хендерсона уже решена.

Глава восьмая

Джекаби замотал свой шарф и открыл дверь комплекса апартаментов «Изумрудная арка». Я последовала за детективом, и Чарли быстро выступил вперед, чтобы придержать мне дверь. Любопытных зевак на улице стало больше, поэтому полицейские принесли несколько козел и организовали оцепление. На тротуаре старший инспектор Марлоу говорил с миловидной девушкой со светлыми локонами. По ее щекам катились слезы. Высморкавшись в носовой платок, она всхлипнула. Я держалась молодцом, не подпуская ни страха, ни жалости, ни ужаса, но от неприкрытых страданий этой девушки мне стало не по себе. Я постаралась взять себя в руки. Марлоу не пытался успокоить девушку, но внимательно слушал ее, листая страницы маленькой записной книжки в кожаном переплете, время от времени кивал и делал новые пометки. Похоже, растрогать старшего инспектора было непросто. Он бы прекрасно вписался в детективные рассказы из моих журналов. Марлоу держал записную книжку на манер щита, защищая себя от человеческой трагедии. Интересно, почему Джекаби не пользовался записной книжкой? Я вдруг подумала, что без нее и детектив не детектив.

Чарли Кейна больше заинтересовал блестящий черный экипаж, который двигался по мостовой. В какой-то момент экипаж остановился, и кучер попытался прогнать с дороги пешеходов. Нью-Фидлем рос и развивался, и на улицах, некогда спроектированных для маленького и тихого городка, теперь то и дело возникали заторы. К тому же слухи разлетались быстро, а потому на улице, несмотря на присутствие полиции, собралось немалое количество зевак, желавших увидеть драму своими глазами.

— Я ценю вашу помощь, сэр, но теперь все же вынужден попросить вас уйти, — сказал Чарли, махнув рукой в сторону экипажа. — Это личный экипаж комиссара Свифта. Раз уж он решил самолично приехать на место преступления, не стоит сомневаться, что настроение у инспектора Марлоу скоро... испортится.

— Любопытно, — заметил Джекаби, — комиссар не на шутку заинтересовался этим делом. Уверен, Марлоу уже расследовал убийства самостоятельно.

— Ничего любопытного, — ответил Чарли, которому по мере приближения экипажа становилось все более неловко в нашем присутствии. — Мэр назначил комиссара Свифта на должность всего несколько месяцев назад. Первым делом комиссар повысил план и удвоил количество уличных патрулей. Он пытается пробиться в политику, поэтому его волнуют показатели раскрываемости и собственный имидж. Ходят слухи, что Артур Брагг обеспечивал ему информационную поддержку в «Кроникл». Поэтому Свифт и расстроился.

— Вы хотите сказать, что жертва работала в газете?

— Верно. Он был репортером, в основном писал о политике и освещал местные новости. Но теперь, сэр, вам уже точно пора!

Джекаби взглянул на экипаж, который как раз остановился возле Марлоу. Инспектор прервал свой разговор с плачущей блондинкой, подошел ближе и вытянулся в струнку возле дверцы. Девушка растерянно посмотрела по сторонам, после чего другой офицер увел ее прочь. Я поняла, что ее лицо мне знакомо: именно ее фотография стояла в квартире убитого. Меня снова захлестнули эмоции, и я с трудом сглотнула появившийся в горле ком.

— Хорошо. Спасибо, детектив. Вы нам очень помогли, — сказал Джекаби.

Кивнув младшему детективу, он поспешно скрылся за углом здания. Я махнула Чарли на

прощание рукой, и от его улыбки мои щеки вдруг снова порозовели.

Развернувшись, я бросилась за Джекаби и чуть не столкнулась с ним, когда завернула за угол. Прислонившись спиной к кирпичной стене, он внимательно следил за происходящим.

— Что вы делаете? — спросила я, после чего огляделась и скрылась в тени вместе с детективом.

Широкий переулок шел от «Изумрудной арки» к невысокому кирпичному зданию, от которого несло рыбой. У стены напротив стояли мусорные баки и старые ящики, но их было недостаточно, чтобы при необходимости надежно скрыть нас от посторонних взглядов. Прямо над нами на каждом этаже виднелся узкий балкон.

— Что ж, мисс Рук, полагаю, вам пора, — сказал Джекаби, осматривая переулок и даже не встречаясь со мной глазами.

Я похолодела.

— То есть на работу вы меня не берете?

— Что? С чего вы взяли?

Детектив подошел к груде старых коробок и выбрал одну, с крупным красным логотипом в виде рыбы, нарисованным на деревянном каркасе. Он положил коробку под ближайший балкон и выбрал еще парочку. Сложив их простой пирамидой, он задрал голову.

— Если вас не отпугнули утренние события, работа ваша... По крайней мере, временно. Назовем это испытательным сроком.

После постигшего меня разочарования я не сразу обрадовалась его словам.

— О, я согласна, мистер Джекаби, — сказала я, а потом, подумав, добавила: — А каковы будут мои обязанности?

— Прекрасно, вы и начали задавать верные вопросы, — пробормотал он, ставя друг на друга еще три-четыре ящика. — Вы будете вместе со мной осматривать места преступлений, как сегодня, и замечать детали, которые могут быть полезны. Я буду надиктовывать вам добытые сведения, чтобы вы печатали их и подшивали к делам. Соединяя фрагменты мозаики, я буду использовать вас в качестве слушателя-референта. Мне лучше думается вслух, но с самим собой я предпочитаю лишний раз не говорить. У меня от этого мигрени. В остальное время вы просто будете выполнять мои мелкие поручения: заполнять счета, выписывать чеки и прочее. Еще вопросы есть?

— Почему вы передумали? — вырвалось у меня.

— Насчет чего?

— Сначала вы сказали, что я с этой работой не справлюсь. Что заставило вас передумать?

Джекаби отложил все ящики и заглянул мне в глаза, прежде чем ответить.

— Марлоу — хороший человек и компетентный следователь, но он замечает то, что замечают и все остальные: все необычное. Он замечает пятна крови и безумцев в красных пижамах. Я вижу вещи и того необычнее, которые не видит больше никто. Но вы замечаете почтовые ящики, мусорные корзины и... людей. Человек, который видит обычные вещи, весьма необычен, Эбигейл Рук. Еще вопросы?

У меня остался лишь один вопрос к детективу.

— Почему у вас нет записной книжки? — спросила я.

— Записной книжки?

— Да, чтобы записывать зацепки и другие сведения. По-моему, для детектива она ужасно полезна. У Марлоу такая есть, вкожаном переплете, открывается вертикально. От

такой книжки и я бы не отказалась. Нам стоит их раздобыть. Тогда мы будем больше походить на настоящих детективов.

— Во-первых, — вздохнув, сказал Джекаби, — *хороший* детектив обычно не хочет походить на «настоящего». Во-вторых, сама по себе ваша идея не так уж и плоха, но я пользовался записными книжками и пришел к выводу, что они совершенно бесполезны. Я отдавал их своим ассистентам, чтобы те перепечатывали информацию на машинке, но никто из них не мог разобрать мой почерк. Один даже бесцеремонно заявил, что я пишу как курица лапой.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Рook в переводе с англ. имеет два значения: «грач» и «ладья».